

Анатолий Беляев

Территория геологии

СВАДЬБА

Михалыч, привет!

Ты работай, я не помешаю, присяду вот здесь на бревнах.

Не бойся, не уроню твои камни. Если бы что понимал, помог бы. Да мы не ученые, из простых вепсов.

Закуривай? Ах, да, ты же не куришь и не пьешь. Молодец. Кто не курит и не пьет тот здоровым и умрет. А нам другая досталась доля – нам не жить без алкоголя! Я закурю. Не помешаю?

Вот, со свадьбы, значит, приехал, нагостился.

Я Михалыч, это... разводится хочу, значит. С Машкой-то!

Ты что думаешь, это она мне синяк под глазом засветила? Да я бы ей... если б она! Другая!

Вот почему-то с тобой легко и просто? А потому, что умеешь ты выслушать человека. Ну, ладно, если хочешь, так и быть, расскажу, как все было.

Приехали мы, значит, в пятницу вечером, встречают нас сватья на пристани. Свекор мужик видный моего года, свекруха помоложе. Дом у них справный — пятистенок, все остальное тоже: усадьба, хозяйство, коровы, птица разная, ну, в общем, все как полагается. Да, у свекра «Урал» с коляской последней модели в аккурат такого цвета как у нашего Конюшенко.

Нюркин жених тут же, зять мне будущий. Парень, доложу я тебе — красавец: стать, кость, в плечах — кося сажень! Служил в морской пехоте и недавно демобилизовался. Не знаю, где это в жизни может пригодиться, но он ребром ладони свободно кирпич пополам ломает.

Зять ко мне с большим уважением, да и к Машке тоже: «Мария Андреевна накиньте кофточку, а то озябнете». Как же, озябнет она. Да эта мымра голая в лесу может жить и ни хрена с ней не сделается. «Озябнете....».

И с Нюркой жених носится как дурень со ступой: «Нюсечка, Нюсечка!» А та строит из себя невесть что, ходит как цаца и глаза от самодовольства закатывает.

И за что этой дуре такой парень достался, а? Ну, что он в ней нашел? Стерва — вся в мою Машку, злоба голенная! Я так полагаю, что она его, наверное, каким-то зельем опоила! Она же работает в фельдшерско-акушерском пункте, ну и сунула ему какую-нибудь химию. Сейчас, говорят, есть такие таблетки. Ну, да черт с ней! Только парня вот жалко. Хлебнет он с ней как я со своей Машкой. Ой, хлебнет!

А водички попить нет?

Вот спасибо, хороша водичка, холодненькая, а может покрепче чего есть, типа спирта?

Нет? Ну да ладно, и так хорошо.

Я тебе еще не рассказывал, что Машка прошлой осенью мне устроила? Обгонял КАМАЗ на грунтовке, а у него из под колеса камень, да прямо мне в лобовое. Стекло каленое все в мелкую трещинку пошло и ни фиги не видать. Остановился, потрогал стекло, а оно и рассыпалось. Осколки убрал, а как дальше ехать? Мороз хоть и небольшой градусов десять, но я в пиджаке и без шапки. Проехал километров пять, заледенел - мочи нет, уши хрустят. Стал в салоне УАЗика под сиденьями шарить, может, думаю, тряпка, какая есть, хоть голову замотать, а то без ушей останусь. И нашел под боковым сиденьем рваный женский лифчик. Как он там оказался, не знаю. Может, летом бабы с поля переодевались в моей машине, да кто и забыл или бросил просто. Короче, я этот лифчик повязал на голову и как раз закрыл уши. Сел, еду. Совсем темно стало, да еще снег повалил. Десять километров за час одолел. Замерз так, что шевелиться не могу. Подъезжаю к дому, свет потушил, мотор заглушил, а встать не могу – заоченел совсем. Посижу, думаю, маленько отогреюсь.

А Машка услышала машину, выскочила как сова из дупла и открывает дверцу. Увидела что у меня на голове, да как заорет дурным голосом:

«Ты во что это старый кобель вырядился? Совсем ополоумел бесстыжая морда! Дети что скажут?» – сорвала она с меня лифчик и по морде, по морде... А я, не

то что увернуться, но и сказать ничего не могу – челюсть не шевелится, сижу только глазами моргаю.

Короче, отхлестала она меня всласть, пользуясь моей беззащитностью. Рассвирепел я, ну, думаю, сейчас побью стерву! Но, потом отошел. Выпил у Петрухи горилки и отошел. Девочек жалко стало, особенно Женьку; она же мне вместо сына, ты же знаешь. Но Машке этого никогда не прощу!

Еще одну закурю. Не помешаю?

Легко с тобой. Даже без водки хорошо. Мы, вепсы народ молчаливый, а вот с тобой и речь появляется, и даже сам себе интересен.

Так вот про свадьбу. Заходим мы в дом, приняли нас хорошо, стол богатый – кабана они закололи, конечно, выпили. А ты же знаешь, какой я заводной – как выпил так на рыбалку. Ну и здесь, уговорил свекра – его, кстати, Федором зовут, махнуть на рыбалку.

Рыбалка для меня это все! Это полная свобода, и еще на природе. Хочу, рыбалю, или сплю или на звезды гляжу. И никто тебя не попрекнет, что ты бездельничает. Рыбаки они ведь тоже разные, кто хочет хапнуть, а кто просто отдохнуть.

Места у них отменные, но до озера километров пять. Взяли удочки и поехали на зорьку. На озере у Феди лодочный гараж, лодка и все такое. Отгребли за камыши, сидим, рыбалим. Клева нет! А мне свекруха полбутылки водки в карман сунула перед отъездом, для сугреву! Федор, кстати, почти не пьет, но дай, думаю, предложу, а то какая же это рыбалка?

Тут на берегу кто-то орет – зовет Федора. Подгребаем. Оказывается, на ферме корова заболела, а Федор

у них за ветеринара и ему надо срочно ехать. Я, конечно, с понятием – надо так надо!

Он говорит: «Ты оставайся, а я управлюсь и вернусь».

Ну, я и остался. Сижу, рыбалю дальше, ни фига не клюет. Дай, думаю, место поменяю. Привстал в лодке, да зацепился плащом за уключину и рухнул в воду. Ты же знаешь, рыбак я бывалый и тонул не раз и не два. Вынырнул и к лодке, хотел залезть в нее, да рванул слишком сильно, а она возьми и перевернись. Что делать? До берега ерунда – метров сто, но сапоги и плащ мешают плыть. Я их к черту скинул и к берегу. Вылез, зуб на зуб не попадает, всего трясет. Спичек сухих нет, костер запалить нечем и опять же босой. Вспомнил про водку, выпил, маленько полегчало, но и в голове зашумело, потому что, хвативши я был изрядно еще с вечера. Но, соображаю! Надо, думаю, домой когти рвать, а то простудиться и заболеть недолго. Побежал по дороге к дому, чтобы согреться. Рассвело уже совсем, но сколько времени не знаю – часы подмокли и встали.

Бегу и догоняет меня молоковоз. Тормознул я машину, влез в кабину, отогрелся да и заснул. Подвез он меня до деревни. Шофер толкает – приехали, вылезай. Оглядываюсь, деревня какая-то незнакомая, а может и та самая, я в первый день и не разглядел толком. Молоковоз уехал. Стучусь в ближайший дом - спроситься. Открывает мне хозяйка. Вижу хохлушка! Лет под сорок, но красавица писанная. Таких в кинохрониках показывают, ну, из тех, которые хлеб – соль подносят всякому начальству. Так вот, спрашиваю ее, где тут Груздевы живут? А она отвечает, что в соседней де-

ревне, километров за десять. Оказывается, я по дороге в другую сторону поехал.

Ладно, говорю, тогда дозвоьте обсушиться. Она, конечно, с понятием, видит я мокрый и босой. Принесла мне чистое белье сына старшего, в армии он у нее служит; собрала на стол - молока крынка, хлеб, сало, лук, да еще целый стакан горилки налила: выпейте, говорит, не то простудитесь.

Я как хватил стакан, так меня и повело, да еще и на подвиги потянуло. Мужчина я в самом расцвете сил. Вертится она вокруг меня, воркует ласково, а грудь у нее под сорочкой так ходуном и ходит, а у меня внутри все замирает как у мальчишки на качелях. У моей-то Машки груди, что две фиги, а тут как дыни спелые.

Ну, я и сунулся, да видно поспешил. И она тоже, по-моему, поторопилась и хрясь мне по морде, будто кувалдой ударила, чуть сознание не потерял. И, пожалуйста, синяк!

Я ей говорю: «Вы что же это гражданка такое себе позволяете? Или шуток не понимаете? Совсем озверели в глуши без цивилизации! У меня же сегодня у дочери свадьба, и как я с такой рожей домой покажусь?»

Она, конечно, испугалась: «Извиняйте, говорит, что так вышло, инстинктивно получилось!»

Хорошенькие, говорю, у вас тут инстинкты – мужиков по роже бить! А простых бабьих инстинктов, что совсем не осталось?

А она опять за свое: «Извиняйте, если можете, все и не хотела так сильно, просто рука тяжелая, поэтому и детей своих никогда не била!»

Посмотрел я в зеркало, а глаз совсем заплаыл. А чтоб тебя, думаю, с детьми твоими небитыми. Плюнул, вышел из дома и рванул пешком в деревню. Прошел километров пять, устал, да и прилег на мох отдохнуть. И уснул.

Просыпаюсь, смотрю, телега мимо меня в нужную сторону едет, а на передке с вожжами такой сухонький старикашка. Я подсел на телегу, едем.

Чувствую, воняет чем-то, невозможно просто. Спрашиваю деда: «Отчего сено в телеге, извините за выражение, дерьмом пахнет?» А он оборачивается и так ехидно, но вежливо мне отвечает: «Это потому, что вы изволили на коровьем дерьме почивать у дороги».

Вот, думаю, денек выдался, ну, все одно к одному! Брюки-то на мне были от свадебного костюма! Пиджак я снял, а брюки и забыл. И Машка, стерва, не напомнила. Где так все помнит и двадцать раз попрекнет!

Хорошо, думаю, что коровы не летают! Почему хорошо? А представь, как тебе на голову такая лепешка шлепнется.

Эх, в жабрах першит, словно песок набился. Сейчас бы кружечкой пивка полирнуться! Ну, да ладно, слушай дальше.

Остановились, почистился сеном, да где там, разве ототрешь? Ладно, едем дальше. Я снова и задремал на сене.

А дома утром, конечно, переполох! Федор задержался на работе и с фермы завернул прямо домой, думал, что я сам уже вернулся. Дело к одиннадцати. Молодым в сельсовет надо ехать регистрироваться, а меня нет. Ихний пацан на мопеде к озеру сгонял, возвратил-

ся и сообщил: «Лодка на озере перевернутая и никого нет. Кричал – никто не отзывается. Утонул, видимо, Михаил Андреич!»

Все бросились на берег меня искать, какая уж тут свадьба. Стали на лодках с баграми дно обшаривать, да и нашли сапоги болотные и плащ.

Тут обе мои мымры в голос ударились. Орут как о покойнике, на кого, дескать, я их таких несчастных оставил и все такое.

И тут сцена третья – подъезжаю я на телеге. Что было! Прямо как в кино – сразу все переменялось и я из любимого, безвременно почившего отца сразу превратился в «изверга и пропойцу с хараей неумытую!»

А как Машка заметила мой синяк, так чуть не окочурилась от злобы! Я терпел, терпел, да и говорю при всех: «Ах вы кикиморы востроносые! Вам что же утопленник дороже живого и почти невредимого отца? Так вас надо понимать?»

Плюнул я на все, рванул на пристань, да и уехал дневным катером. Часы пришлось продать за дорогу заплатить, да бутылку взял с горя. Не знаю, будь что будет. Им, небось, и без меня хорошо!

Вон, смотри, сынок мой бежит. Так я и не дождался от Машки наследника, одних девок наладилась рожать. И все на нее похожи как две капли воды, кроме младшей. Эта в меня – рыжая и конопатая как пацан. Вот и назвал ее Женька, чтобы имя как у парня было. И называю сыном. Только ее на рыбалку с собой беру, мотоцикл научил водить.

Ну, садись сынок на колени. Расскажи, как на свадьбе погуляли. Не трогай синяк, уже не болит. Говоришь, все к нам приехали, и меня ждут?

Иди сынок и скажи мамке, что отца на пилораме насмерть бревном зашибло, и тело нужно срочно опознать в морге.

Хочу еще раз посмотреть, как мои мымры будут обо мне покойном убиваться.

Ладно, беги домой сынок, сейчас приду.

Пойду я Михалыч, неудобно перед гостями.

Ну, будь здоров.